

Департамент культуры и туризма Ивановской области
Государственное бюджетное учреждение Ивановской области
«Центральная универсальная научная библиотека»

Виртуальная выставка

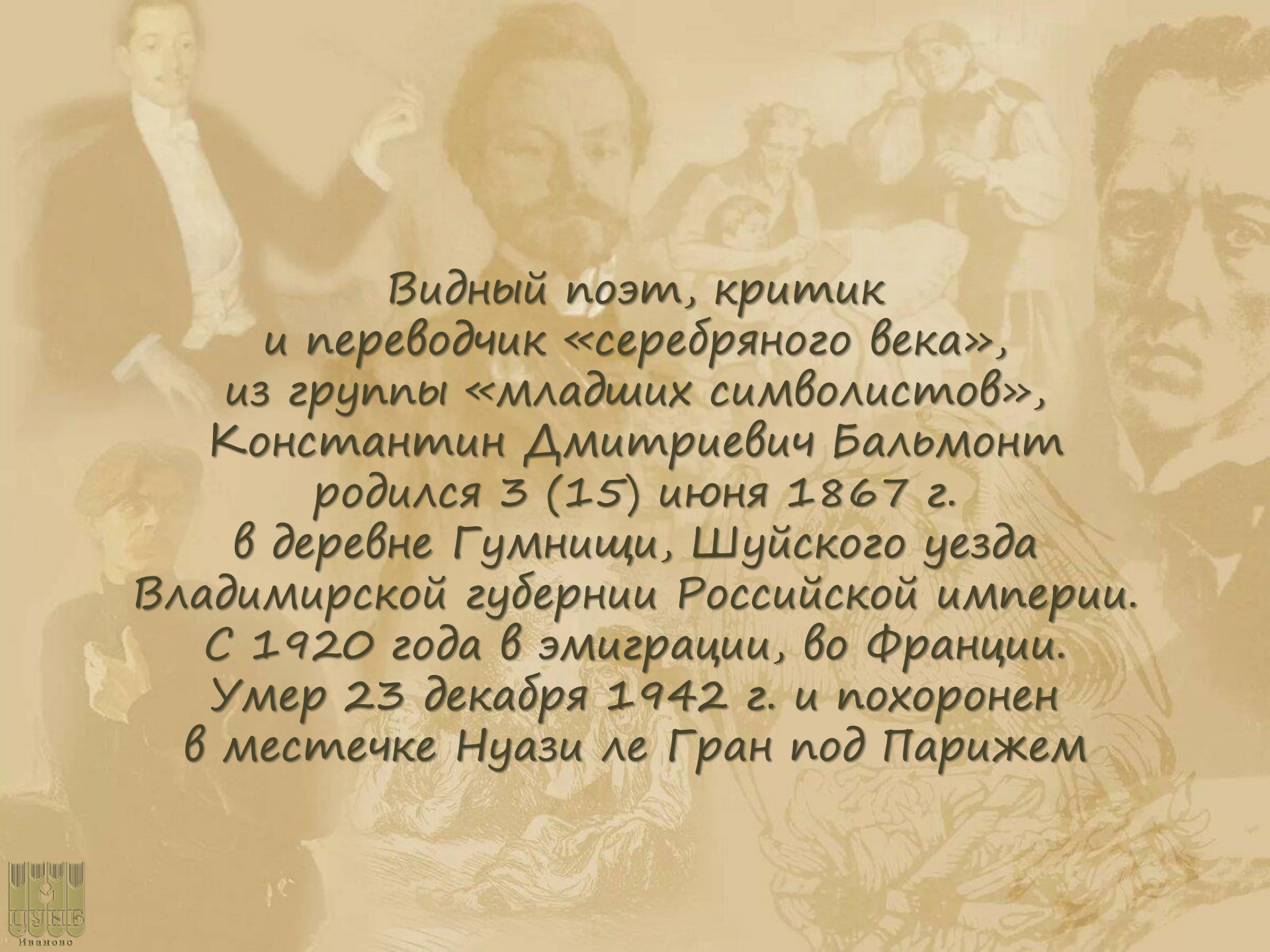
Прижизненные издания
К. Д. Бальмонта

Иваново, 2022

Виртуальная выставка
«Прижизненные издания К. Д. Бальмонта»
к 155-летию поэта является
продолжением проекта
«К. Д. Бальмонт – поэт-переводчик».

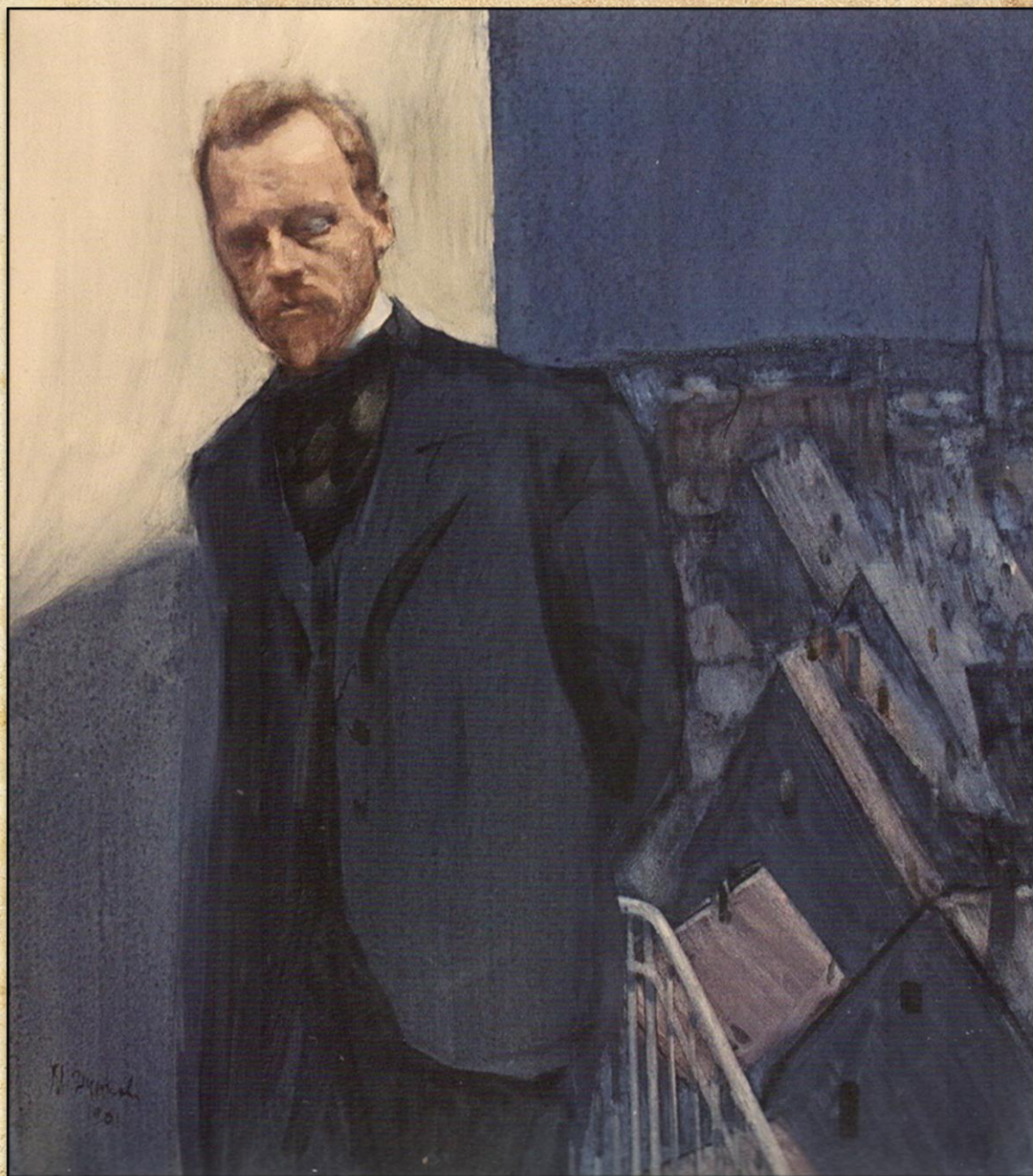
Выставка дает возможность
познакомиться с изданиями редкого и
краеведческого фондов Центральной
универсальной научной библиотеки в
полнотекстовом цифровом формате.

В презентации представлены
ознакомительные фрагменты стихов и
публицистики, полные тексты его
произведений можно получить по ссылкам

Видный поэт, критик
и переводчик «серебряного века»,
из группы «младших символистов»,
Константин Дмитриевич Бальмонт
родился 3 (15) июня 1867 г.

в деревне Гумнищи, Шуйского уезда
Владимирской губернии Российской империи.
С 1920 года в эмиграции, во Франции.
Умер 23 декабря 1942 г. и похоронен
в местечке Нуази ле Гран под Парижем

Дурнов М. А. Портрет поэта К. Д. Бальмонта. 1901.
Государственная Третьяковская галерея

The background is a warm-toned collage featuring several figures from Russian literature and art. At the top left is a portrait of a man in a tuxedo, likely Alexander Pushkin. In the center is a portrait of a bearded man, likely Leo Tolstoy. To the right is a portrait of a man with a beard, likely Fyodor Dostoevsky. Below these are sketches of other figures, including a woman in the bottom left and a group of people in the bottom center. A large, detailed sketch of a swan is on the right side.

Сборники стихов

7.34-697
К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ Второй ~~~~

Горящія Зданія ~~~~

Будемъ какъ Солнце

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СКОРПИОНЪ“ 1904 ~~~~

1941

8761

Горящія Зданія

Лирика современной души

[Миръ долженъ былъ оправдать весь
Чтобъ можно было жить

Бальмонта

1899. — Одесса.

Посвящаю эту книгу рубиновыхъ страницъ

моему другу

С. А. Полкову

съ которымъ мы вѣсть се пережили

Москва 3 января 1904

К. Бальмонтъ

I. КНИЖАЛЬНЫЯ СЛОВА.

*I will speak daggers,
Hamlet.*

Я усталъ отъ иваныхъ словъ,
Отъ восторговъ этихъ ильзыхъ
Гармоническихъ пировъ
И вапъвовъ, колыбельныхъ.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенныхъ мечтаній.
Я хочу горящихъ зданій,
Я хочу кричащихъ бурь!

Упоение покоя —
Усиленіе ума.
Пусть же испыхнетъ море зноя,
Пусть же въ сердцѣ зрогнетъ тьма.
Я хочу вныхъ бриллантъ
Для моихъ пныхъ пировъ.
Я хочу книжальныхъ словъ,
И предсмертныхъ восклицаній!

II. ПОЛНОЧЬ И СВѢТЪ.

Полночь и свѣтъ знаютъ свой часъ.
Полночь и свѣтъ раздуютъ насъ.
Въ сердцѣ моемъ — прозрачный свѣтъ.
Въ сердцѣ моемъ — полночи нѣтъ.

Бальмонт, К. Д. Собрание стихов. Т. II : Горящие
зданія. Будем как Солнце / К. Д. Бальмонт. — М. :
«Скорпион», 1904. — 405 с.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

From Lady Smeret in VII
5-912

ЖАРЪ-ПТИЦА

[СВИРЬЛЬ СЛАВЯНИНА

МОСКВА 1907

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

*Наробила копиря—
 Непокила стропица,
 Разрозненна перя,
 Оми улетелней и паче.*

*Она воят туго сидела
 На камне самоотомля,
 И вела дикая пача само
 О снх сложе дикотомля.*

*О томъ заморскомъ кротъ,
 Гдѣ Море съ Небомъ спало,
 Гдѣ думя, въ стеченъ Матъ,
 Цепталаи перепала.*

*Гдѣ соннои зарежене,
 Гдѣ засершене жарене,
 Гдѣ видитъ умъ слеплене
 Всего какъ пачаи жарене.*

*Пропала, улетела,
 Прель взоромъ лишь жарница,
 Лишь видитъ—дѣла блеснула
 Воистину Жаръ-Птица.*

1*

ЗАГОВОРЪ НА ПОСАЖЕНІЕ ПЧЕЛЪ ВЪ УЛЕЙ.

Пчелы роются,
 Пчелы издоятся,
 Пчелы смиратся.
 Стану я на Востокъ,
 Сводъ небесный широкъ,
 А въ саду у меня тѣсный есть уголокъ.
 Беру я пчелу, и въ улей сажаю,
 Волею, въ тѣсноту и тѣноту, пчелу замкаю.
 Ее, золотую, жалю,
 Всѣхую съ нею,
 Люба.

Не я въ этотъ улей сажаю тебя,
 Бѣлая зѣбала, и мѣсяцъ дурной,
 И Солнце, что свѣтитъ поляны отлогой,
 Сажаютъ тебя, укорачиваютъ,
 Въ улей тебя заколачиваютъ.

Сиди же, пчела, и роись,
 На округъ ва мой лишь садись,
 И съ бѣлыхъ, и съ красныхъ, и съ синихъ цвѣтовъ
 пыль собирать не лѣнься.

А тебя я, пчелина матка, замкаю на всѣ пути,
 Чтобъ тебѣ нигуда не нати,
 Замираю замкомъ,
 Разставаясь со днемъ,

Бальмонт, К. Д. Жар-птица : Свирель славянина / К. Д. Бальмонт; [рис. обл. К. Сомова]. – М. : Скорпион, 1907. – 238 с. – Особенность экз.: в единый переплет входят Т. V, Т. VI и «Жар-птица», в каждой части своя нумерация.

Литургія Красоты

Стихійные гимны

Вся Земля—моя, и мнѣ дано пройти по ней
Аполлоній Тианскій

★
Люди Солнце разлюбили, надо къ Солнцу изъ вернуться,
Сопитъ Луны они любили, потеряли Млечный путь.

Разломалъ Черную Воду, открылся отъ Океа,
Изъялиши всю Природу, явлюхъ Ночи, праздникъ Дня.

Во тьмѣмъ думъ соняте, въ снѣжномъ зданіи—скелете, сломъ—молитъ
Полобили о теченіи Тисла, Вавноши, Септисла.

Но начеулось херомысло золотое въ Небесахъ,
Мысли Неба, Звѣзды—Тисла, Брѣмьны, септисла здѣсь въ слезахъ.

Здѣсь мои избранныя строки, дали въ мой окурочный смѣхъ,
Чтобы зрѣтели въ мнѣ наможи остать колдовскія неземныя.

Чтобы къ Снѣгамъ, людямъ блѣдымъ, нѣмаломъ и сонномъ пути,
Чтобы вновь смѣлѣлъ побѣдѣти, въ Паресте Солнца остать вернуться.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

Томъ пятый

Литургія Красоты

Издание второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1911

БЫТЬ УТРОМЪ.

Тотъ, кто хочетъ, чтобы тѣни, ускользая, пропадали,
Кто не хочетъ повторений, и безцѣльностей печали,
Долженъ властно рукою безполезность бросить прочь,
Долженъ сбросить то, что давитъ, долженъ самъ себя
помочь.

Миръ — бездонности, ты — бездонности, въ этомъ свойствѣ
вы слиты,
Только глянь орлинымъ окомъ, — ты достигнешь до вершинъ.
Миръ есть пропасть, ты есть пропасть, въ этомъ свойствѣ
вы сошлись,
Только вздумай подчиниться, — упадешь глубоко внизъ.

О, глубоко видѣть око! О, высоко ходить тучи!
Выше тучъ и глубже взоровъ свѣтъ сознанія могучій.
Лишь пойми, скажи — и будетъ. Захоти сейчасъ, сейчасъ, —
Будешь свѣтлымъ, будешь сильнымъ, будешь утромъ, въ
первый разъ!

СОЛНЦЕ—КРАСНОЕ.

Солнце—красное, сказалъ мнѣ мой родной народъ,
И о вольномъ красномъ Солнцѣ сердце мнѣ посты.

Такъ до боли, въ жаждѣ воли, все стучитъ, звучитъ,
Звукъ бисеря—гнѣзновѣныя, чувство не молчитъ.

Сердце, слышу. Мы сложили много звонкихъ строкъ,
Югъ и Сѣверъ мы воспѣли, Западъ и Востокъ.

Мы съ тобой взросли, сердце, красивые пѣтвы,
Я мечталъ—и страстной краской въ презлахъ близость ты.

0343144

Бальмонт, К. Д. Полное собрание стихов. Т. V. — Изд. 2-е / К. Д. Бальмонт. — М. : Скорпион, 1911. — 151 с. —
Особенность экз.: в единый переплет входят Т. V, Т. VI и «Жар-птица», в каждой части своя нумерация.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

В-912

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ Шестой ==
Фейныя Сказки
Злые Чары ==
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1911 ==

Фейныя сказки

ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ

1905—Осень.

ФЕЙ.

Говорили мнѣ, что Фей,
Если даже и богата,
Если ей дарить лизья
Много спонъ и аромата,—
Все жъ, чтобъ въ замкѣ пріютиться,
Нужень ей одинъ листокъ,
Имъ же можетъ нарядиться
Съ головы до ногъ.

Да, иначе быть не можетъ,
Потому что все въ ней нѣжно,
Ей сама Луна поможетъ,
Тканъ паукъ сплететъ прилежно.
Такъ какъ въ мирѣ я не знаю
Ничего нѣжнѣ Фей,
Никитъ Фей выбираю
Музою моею.

НАРЯДЫ ФЕЙ.

У Фей—глазки изумрудные,
Все на траву она глядитъ.
У ней наряды дивно-чудные,
Опаль, топазъ, и хризолитъ.

ДѢТСКІЙ МИРЪ.

Бѣлки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки, и кроты.
Какъ вы вновь мнѣ стали близки!
Снова дѣтскіе цвѣты.

Незабудки расцвѣтаютъ,
Маргаритки щурятъ глаза,
Подорожники мечтаютъ—
Вотъ роса зажжетъ алмазъ.

Вплоть до самой малой мошки,
Близокъ сталъ мнѣ миръ живыхъ,
И змѣстыя дорожки
Повели къ кустамъ мой стихъ.

А въ кустахъ, гдѣ все такъ дико,
Притаился хмурый ежъ.
Вотъ краснѣетъ земляника,
Сколько ягодъ здѣсь найдешь!

Вѣй цвѣты на зовъ отвѣтить,
Развернувъ свои листки.
А въ ночахъ твой путь осветятъ
Между травокъ свѣтляки.

Бальмонт, К. Д. Полное собрание стихов. Т. VI. – Изд. 2-е /
К. Д. Бальмонт. – М. : Скорпион, 1911. – 136 с. – Особенность
экз.: в единый переплет входят Т. V, Т. VI и «Жар-птица», в
каждой части своя нумерация.

The background is a warm, golden-brown collage. It features several faded portraits of Russian literary figures: a man in a tuxedo (top left), a man with a beard (top center), a woman holding a child (top right), a man with a beard (far right), and a woman in a dark dress (bottom left). In the bottom right, there is a detailed sketch of a rooster. The text is centered over this collage.

**Стихи
из альманахов и
сборников**

К. Д. Бальмонт.

I.

ВОПРОСЫ.

Неужли весь мир бездыханен и пуст,
И уста не найдут отбывающих уста?
Для кого эти лепёшки блистают из ночи,
Для кого высятся во мраке лучи?

И научил так хорош их живой хоронит,
И научил так глубоко голубой небосвод?
Как завлечь, волна говорить ли с водой,
Ник быстра без мысли в провалах ночной?

И восторг ли горит в облаках, на заре,
Вь этих красках нѣмых, из янтаря, из серебра?
Есть ли души бесспорны в наших глѣзах?
Есть ли Бог? гдѣ-нибудь — далеко — в небесах?

Так я горло мечтал у подножия скалы,
Подъ покровомъ ночнымъ лугубой полушью.
И пока вопрошал, угасла дуга,
И шумѣла волна: «Замолчи! Замолчи!»

II.

НѢТЬ ЛЮБВИ.

О, еслибъ знала ты, какъ мнѣ глубоко жалъ,
Что, будучи любима, я презицонъ любовью.
Съ тобой — вь познанный часъ — прилагуши къ изголовью,
И была душой одна, — со мной была печаль.

Подмиши ли ты меня, и ждаль, искаль обманъ,
И ждаль всей душой забытъ сладкимъ сномъ.
Но нѣтъ любви въ любви, и убѣдился изъ томъ,
Гдѣка безсмыслие прозрѣли слѣпыхъ равно.

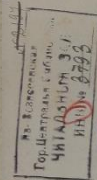
Повни мои слова, мойни, что это такъ:
Любовь — миражъ судьбы, давший мнѣ мученье,
Она отъ лучшихъ чувствъ нѣкое отреченье,
Любовь — минутный другъ и долгийтй врагъ.

Могъ, не мучь меня своимъ страданьемъ скрывнымъ,
Забудь, и научись — не плакать, не любить.
О, вѣрь, отрадѣй быть обманутымъ, забывшимъ,
Чѣмъ, не любя, любимымъ быть!

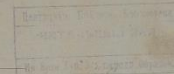

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

(въ память столѣтія дня рожденія поэта)

Г. ОБРОТОВЪ, ПРОФЕССОРЪ В. В. МАТЭ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. А. СУВОРИНА, ПОЧТОВЫЙ ПЕР., Д. 10
1899

III.

ЗАТОНЪ.

Когда ты заплываешь въ прозрачные воды затона,
Подъ блѣдною нвод, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
Невнятный шажокъ на примѣхъ коловальнаго звона
Къ тебѣ доносится изъ алмаза хрустальной воды.

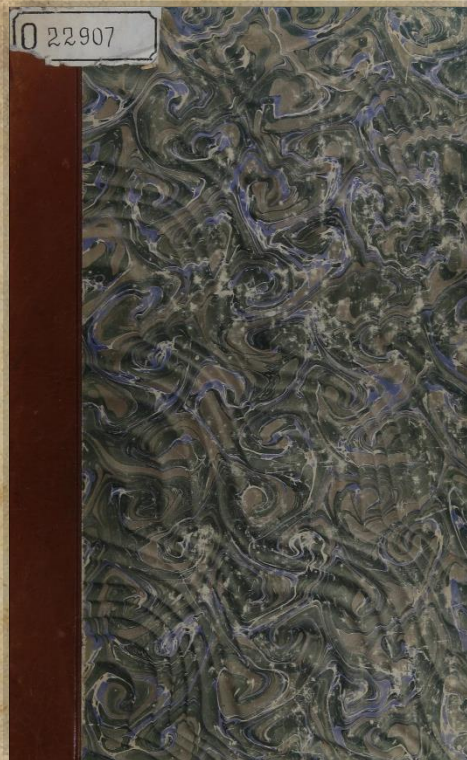
И ты, наклонившись, увидишь прозрачные златъ,
Истоптавшихъ изморомъ забытыхъ жемчужинахъ себя.
И въ сердцѣ твоёмъ за страницей вспыхнетъ страница,
Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорба, не любя.

И будутъ расти ото дня до помераности алмазъ
Узоры упрямо и тѣсно сплеленныхъ вѣтвей,
И будутъ расти и вѣтвятся — какъ призраки саги
Растутъ, вѣтвятся изъ значенья и въ слѣдъ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуетъ и ранитъ,
Что тайною жарой нисходитъ съ далекихъ планетъ,
Тебѣ изъ сочетанья словъ заплыветъ, и обманетъ,
И сердце забудетъ, что съ нимъ слѣды нѣтъ.

Ты руку немолко протянешь надъ соннымъ затономъ,
И много, все безсильно пошевелитъ — и только алмазъ,
Съ чуть слышнымъ звономъ, съ каменью-то волшебнымъ звономъ,
Непрочно порвется струна отъ небесъ до земли.

Бальмонт, К. Д. Вопросы; Нет любви; Затон :
Стихи // Пушкинский сборник (в память столетия дня
рождения поэта / [под ред. П. П. Гнедича, Д. Л.
Мордовцева, К. К. Случевского], офорты В. В. Матэ. –
СПб: Типография А. А. Суворина, 1899. – С. 72-75.

022 907

ПАМЯТИ В. Г. БЕЛИНСКАГО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ ТРУДОВЪ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ

СЪ 3 ФОТОГРАФИЯМИ

Издание Пензенской общественной библиотеки
имени М. Ю. Лермонтова.МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ДОБЫТОВСКИЙ ПУТЬ, Д. МАМОНТОВА
1899

1941 1948

* * *

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты —
Мы только грёзы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ
Непогибающихъ садовъ.

Ялта, Сентябрь, 1898.

К. Бальмонтъ.

Бальмонт, К. Д. Мой друг, есть радость и любовь... :
Стих // Памяти В. Г. Белинского : Литературный сборник,
состоит из трудов русских литераторов / Изд. Пензенской
общественной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова. – М. :
Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1899. – С. 341.

АЛЬМАНАХЪ ГРИФЪ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ, АНДРЕЙ БѢЛЫЙ, П. Н. БАТЮШКОВЪ, НИК. ВАЛЛЕНБЕРГЪ, Л. ГОРНЪ, ДУРНОВЪ, ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ, А. КОЙРАНСКИЙ, А. КУРСИНСКИЙ, БОРИСЪ КОЙРАНСКИЙ, СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ, АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ, ЛЮНЕЛЬ, ВЛ. ЛИНДЕНБАУМЪ, А. Л. МИРОПОЛЬСКИЙ, ОДИНОКИЙ, НИНА ПЕТРОВСКАЯ, ВЛАДИМИРЪ ПОДОЛЬСКИЙ, АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ, Н. СТАЛЬ, В. СМОРОДСКИЙ, НИКОЛАЙ ТАБЕНЦКИЙ, Г. ТВЕРСКОЙ, Н. ЯРКОВЪ, ЭЛИСЪ. РЕДАКТОРЪ С. А. СОКОЛОВЪ.

МОСКВА. 1904.

Проевѣтъ.

С. А. Соколову.

„Охраняй врата всѣхъ чувствъ“—завѣтъ Готамы,
„Обладай собой—ты выидешь въ лоно Враты“.
Но раскрытъ я не закрытыя врата,
Мнѣ желанна боль и съ болью красота.
И въ раскрытости, въ разорванности чувства
Дышутъ бури, свѣтятъ молніи искусства,
Пиръ и пляски, красный цвѣтъ и тамъ, и тутъ,
Страхъ развязки, звукъ рыданій, звонъ минутъ.

„Бойся жизни“,—мнѣ твердить иное слово,
Говорятъ мнѣ: „Въ немъ вѣдѣніе Христова“.
Нѣтъ, неправда, это голодъ не Христа,
Нѣтъ,—въ Христѣ была живая красота.
Онъ любилъ, онъ вѣчность влилъ въ одно мгновеніе,
Далъ намъ хлѣбъ, и далъ вино, и далъ забвенье,
Боль украсилъ, Смерть убилъ, призывалъ на судъ.
Будемъ жить и будемъ пить вино минутъ!

К. Бальмонтъ.

1

Бальмонт, К. Д. Просвет : Стих. С. А. Соколову //
Гриф : Альманах / ред. С. Соколов. – М. : Товарищество
«Печатня С. П. Яковлева», 1904. – С. 1.

Фата Моргана.

Фата Моргана, —
Замки, узоры, цвѣты, и цвѣта,
Сказка, гдѣ каждая краска, черта
Съ каждой секундой — не та,

Фата Моргана

Яственно свѣтитъ лишь тѣмъ, кто, внимательный, рано,
Утромъ, едва только Солнце взойдетъ,
Глянетъ съ высокаго камня на Море,
Къ Солнцу спиной надъ безгранностью водъ,
Съ блескомъ во взорѣ,
Къ Солнцу спиной.

Правда-ль тутъ будетъ, неправда-ль обмана,
Только роскошной цвѣтной пеленой
Быстро возникнетъ предъ нимъ надъ волной
Фата Моргана.

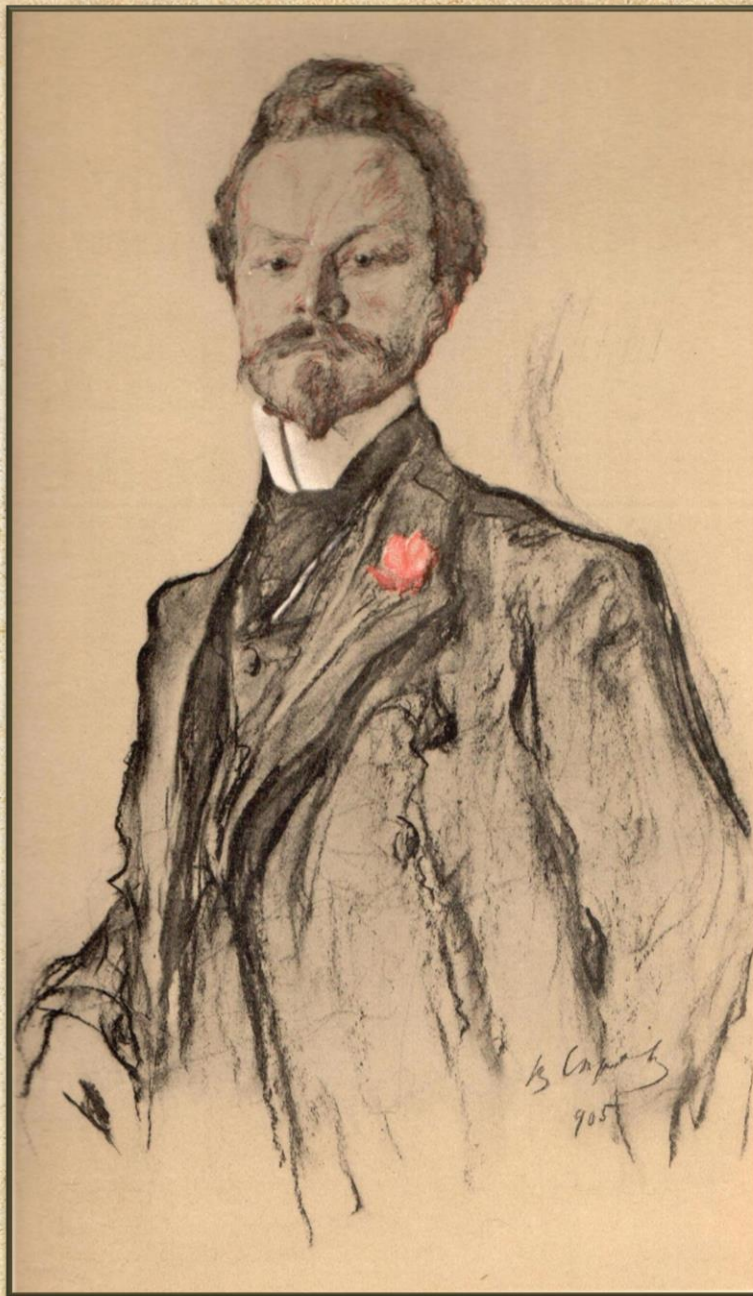
К. Бальмонтъ.

Бальмонт, К. Д. Фата Моргана : Стих // Гриф:
Альманах / ред. С. Соколов. – М. : Товарищество
«Печатня С. П. Яковлева», 1905. – С. 1.

Бальмонт, К. Д. Ожерелье : Стихи. // Золотое руно : журнал художественно-литературный и критический = парал. на фр. яз. / [ред. и изд.: Н. П. Рябушинский]. – М. : Н. П. Рябушинский (Товарищество тип. А. И. Мамонтова), 1906. – № 1-2; 4-6. – Содержание:

- № 1. – С. 38-41 : 1. Драконит. 2. Золотое море. 3. На камне солнцевом. 4. Три камня.
- № 2. – С. 40-43 : 5. Хмельное солнце. 6. Дважды рожденные. 7. Три сестры. 8. Нежные зори.
- № 4. – С. 37-39 (Le Collier) : Отзвуки народного; Призрачный набат; Тринадцать сестер; Яровит.
- № 5. – С. 23-25 (Le Collier) : Камень-Алтырь; Электрон; Амулеты их агата.
- № 6. – С. 23-25 (Le Collier) : Одолень-травя; Круги; Близ синего моря.

Серов В. Портрет К. Д. Бальмонта. 1905
[опубликован в журнале «Золотое руно», 1906, № 1]

ДЕНЬ ПЕЧАТИ КЛИЧЪ

СБОРНИКЪ НА ПОМОЩЬ
ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ
МОСКВА 1915г

КЛИЧЪ.

Подъ редакціей П. А. БУНИНА, В. В. ВЕРЕСАЕВА, Н. Д. ТЕЛЕШОВА.

Художественный отделъ подъ наблюденьемъ
А. М. ВАСИЦОВА и В. В. ПЕРИЛЕТЧИКОВА.

УЧАСТВУЮЩЕ:

Анкова Л. А. — Айвазовъ Л. Н. — Андреевъ Л. Н. — Арсеньевъ К. К. —
Ахуновъ И. С. — Баттунинъ Ю. К. — Бальмонтъ К. Д. — Барон-
вичъ К. С. — Батюшковъ Ф. Д. — Байбиковъ А. Н. — Блокъ А. А. —
Бродскій Н. Н. — Брюсовъ В. И. — Бзызовъ П. А. — Бунинъ Н. А. —
Васильевъ В. М. — Васильевъ Ю. М. — Васильевъ С. Н. — Верес-
евъ В. В. — Воеводкинъ Ю. А. — Володе Н. Н. — Виноградовъ С. А. —
Виткинъ Г. А. — Галактионъ М. И. — Галаровскій В. А. — Глазовъ С. С. —
Гладковъ А. К. — Гречаниновъ А. Т. — Гривинскій А. Е. — Давы-
довъ Н. В. — Екштейнскій С. И. — Е. Н. — Зайцевъ В. К. — Вла-
дковъ Вад. Н. — Виноградовъ-Насоновъ М. М. — Воронкина Е. А. —
Наретъ И. — Коле А. О. — Кондратьевъ С. С. — Коронина
А. Н. — Крапивинниковъ Н. А. — Кругликова Е. С. — Ладаевскій
В. Н. — Ласовскій А. В. — Мамонтовъ С. С. — Муромцевъ Л. Г. —
Иванова Л. Ф. — Истринъ М. В. — Истринскій Л. О. — Паш-
ковъ Г. Н. — Перилетчиковъ В. В. — Петровскій А. Н. — Петро-
вскій Н. Н. — Пятковский В. Д. — Пришвинъ М. М. — Рахмановъ
С. В. — Рязанскій В. Е. — Серафимовъ А. С. — Сербинъ А. Н. — Се-
лазубъ Ф. К. — Степановъ А. С. — Струтинъ Н. Д. — Сухопут-
никъ Н. С. — Тарновъ В. Г. — Ткаченко Н. Д. — гр. Толстой Н. Д. — Тре-
невъ К. А. — Трубецкой П. — Трубецкой Н. А. — Тугариновъ А. Г. —
Черепнинъ А. С. — Чулковъ А. А. — Шаповалъ Э. Н. — Шаре-
вичъ А. — Шварцъ Н. Г. — Швыдковъ Н. С. — Шкляковъ-Кузнецовъ
Т. Д. — Федоровъ А. М. — Фокъ Е. М. — Шолоховъ Г. А.

Надпечатная стихотворения гр. Ф. Л. Соллогуба, Онеги В. А. Сибиряковъ,
Писемко А. П. Чехова.

Всѣ участвующіе въ сборникѣ — писатели, художники и компоментеры — дали свои произведенія
бесплатно; редакция, канцелярія, бухгалтерія и типографскія формы по подпискѣ приняла
на себя расходы по печатанію книги, нотъ и рисунковъ; редакція газетъ и журналовъ,
пожелавшихъ обнародованія, поэтому не вычитывая отъ продажи сборника «КЛИЧЪ»
суммы вознагражденія.

НА ПОМОЩЬ ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ.

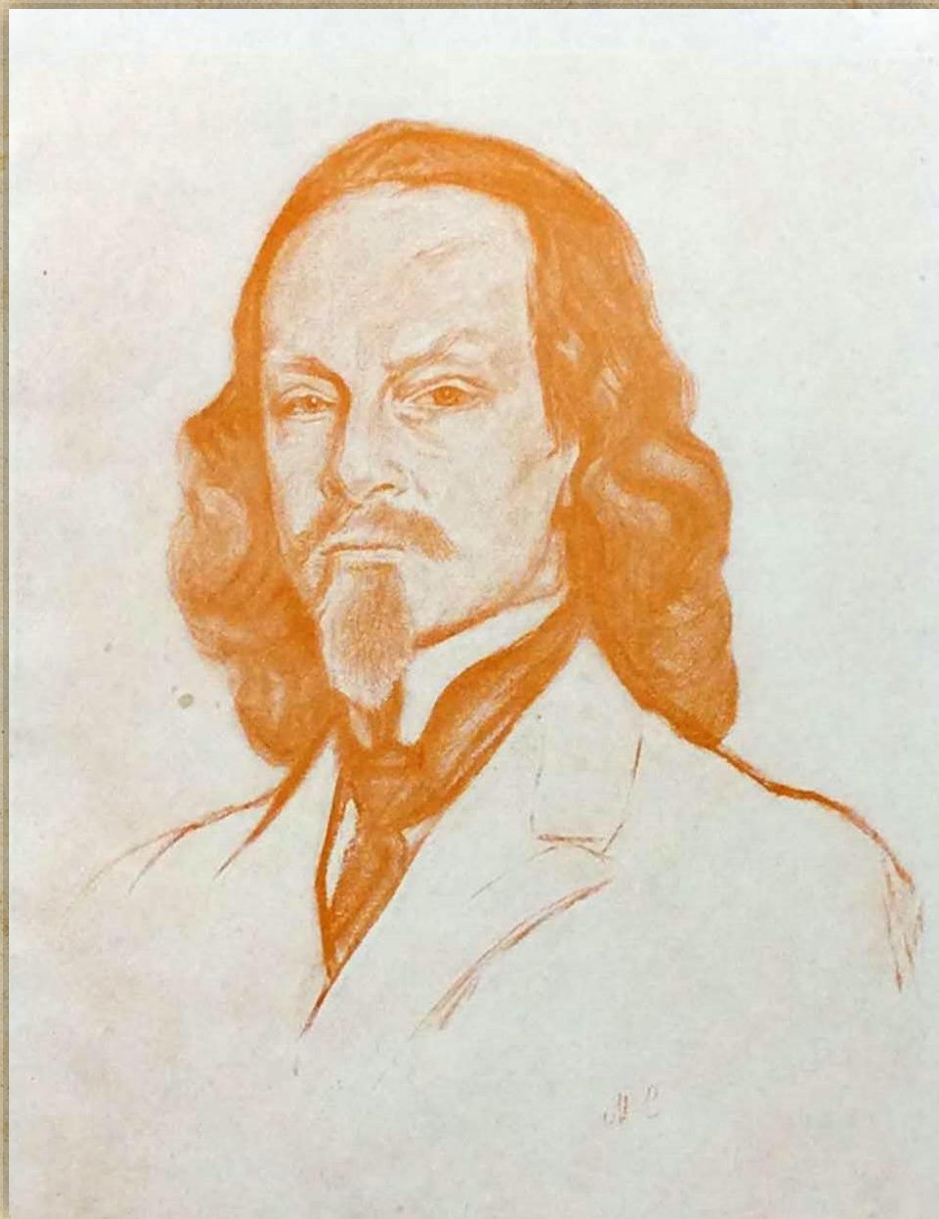
ИРЛАНДСКАЯ ДѢВУШКА.

Поздно ночью вчера о тебѣ говорила собака,
О тебѣ говорилъ на болотѣ въ осоки куликъ.
Это ты одинокая птица въ лѣсу между вѣтвей,
Одинокимъ былъ птицей, пока ты меня не нашелъ.
Общайся, и ложь ты скажешь мнѣ, что будешь со мною,
Говорилъ — будешь тамъ, гдѣ пасутся овечьи стада,
Былъ протяженъ мой свистъ, и тебѣ триста разъ я кричала,
Не нашла ничего, только жалко ягненокъ блеять.
Ты мнѣ трудную вещь общайся — какъ подарокъ любимой,
Золотой дать корабль, и съ серебряной мачтой на немъ,
Городовъ дать двѣнадцать, — чтобы въ каждомъ былъ рынокъ богатый,
Подарить мнѣ дворецъ, бѣлый дворъ на морскомъ берегу,
Невозможную вещь общайся — какъ подарокъ любимой,
Подарить мнѣ перчатки изъ рыбьей хотѣлъ чешуи,
И изъ птичьихъ ты шкурочъ хотѣлъ подарить башмаки мнѣ,
И изъ лучшихъ въ Ирландіи платьяхъ тончайшихъ шелковъ.
Мнѣ родная съ тобой говорить не велѣла сегодня,
Не велѣла и завтра, и мнѣ въ воскресенье молчать,
Такъ со мной говорила родимая въ злую минуту,
Въ часъ какъ дверь затворила, когда обворованъ былъ домъ.
Ты мой отыгнѣ востокъ, у меня и мой западъ ты отыгнѣ,
Все, что было за мною, ты выгнѣ, все, что тамъ предо мной,
Отыгнѣ мѣсяцъ въ ночи, отыгнѣ съ мѣсяцемъ яркое солнце,
И мой страхъ говорить, что и Бога ты выгнѣ у меня.

К. Бальмонтъ.

Бальмонт, К. Д. Ирландская девушка : Стих // Клич :
«День печати» : сборник на помощь жертвам войны / под
ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телепова. — М.,
1915. — С. 28.

Сабашникова М. В. Портрет К. Д. Бальмонта
(бумага, сепия). 1915

АЛЬМАНАХЪ СТРЕМНИНЫ

1

КОНСТ. БААЛЬМОНТЪ,
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ,
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ,
БОРИСЪ ЛАНКОВЪ,
АЛЕКСІЙ РЕМИЗОВЪ,
ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ,
ВАДИМИРЪ ТАДОВЪ,
ВАЛЕРІЙ ЯЗВИЦКІЙ.

МОСКВА

К. БАЛЬМОНТЪ

СТИХИ

ОБЛАСТЬ СНА.

Въ сладостной области сна
Звонъ колокольчиковъ слышнѣ,
Та звуковая волна
Млѣетъ, и духъ ей утишенъ.

Нѣтъ въ немъ качанія дугъ,
Бѣга стремительныхъ троекъ,
Звукъ тотъ во-внутрь, а не вокругъ,
Онъ полнобаеетъ въ покой.

Къ сладостной области сна
Лынетъ вся неспешность Манъ,
Таетъ, вставая, стѣна,
Цѣлкомъ сквознымъ обнимая.

Звонъ тотъ доходитъ со сна
Всѣхъ потонувшихъ сознаній,
Въ немъ голубая волна,
Зыбь лунносозданныхъ тканей.

ОНА ПОКОИТСЯ.

Она покинется. Дѣтъ бѣдъ насъ—груди.
Два неба голубыхъ—закрытые глаза.
Ея ли въ томъ вина, что въ высыхъ бирюза
То дремлетъ въ тишинѣ, то въ грозномъ рабѣтъ гулъ.

32

Черезъ нее, въ борьбѣ, съ богами равны люди.
И станеть сказкою, свой мигъ промѣня, гроза,
Бессмертныхъ жемчужина—зыгнута слеза.
И дикая рѣзня—въ напѣваніи будетъ музѣ.

Она покинется. До нѣжного бѣда
Точеная рука чуть лынетъ въ изгибъ стройномъ.
Ей суждено пребыть видѣннѣ спокойнымъ,—

Въ вѣкахъ оправданной, нѣтъ зла и нѣтъ добра,
Она покинется, жемъ звѣздъ, гдѣ лынетъ жѣра,
И въ нескончающихся гексаметрахъ Гомера.

ХРОМЕЦЬ.

Я хромецъ, загибъ что скѣло,
Съ высоты нескѣримой,
Падаль въ Смерть, но, ей хранимый,
Не достигъ ея предѣла.

Съ той поры живу упорно,
Холодъ зноитъ лѣду и къ Маю,
И хопъ нѣбесною хромою,
Все-жъ я бѣгаю проворно.

И прерывистость движенія
Многимъ быстрымъ здѣсь знакома:—
Пламень въ пенѣкъ пляшетъ хромо,
Но его кометамъ—нѣнае.

И на ласточку надъ прудомъ
Главы: Полетъ свой нысъ изымаю,
Вѣдь летитъ она, хромая,
Но паритъ какою-то чудомъ.

33

Въ день изгнания, когда съ зарею
Строить онъ себѣ хоромы:—
Вѣтъ черты мгновенно—хромы,
Съ перепутанной игрою,

А подбитъ, въ притихшей сналыбъ,
Лынетъ музыка вѣдомъ—
Плыветъ молотъ сновъ, хромая,
По блестящей наковальи.

ИЗЪ КНИГИ «СОНЕТЫ СОЛНЦА МЕДА И ЛУНЫ».

ЗАВѢТЬ.

Высокій красный лѣсъ, сквозные боры,
Избитый вѣтромъ, дикій буреломъ,
Мѣлкая, тусслымъ синята уломокъ,
Лѣсныхъ вершинъ глухія разгворы,—

Луга, холмы, раздробленные горы,
Каменей огромныхъ косвенный изломъ,
Тиссы стреминны, гдѣ бури копятъ громъ,
Плеетъ ему пушистые уборы,—

Вотъ мѣръ, достойный помысла и струнъ.
Всѣмъ мечтамъ, чтобъ въ бѣгъ были равны,
Какъ ржущій убогающій табуны,—

Какъ враній голосъ чернокожиныхъ рунъ,
Какъ пчелы, что отъ красныхъ мажонъ пьютъ,—
Чтобъ знать, что ты востину былъ конь.

Стрелы.

3

Бальмонт, К. Д. Область сна; Она покинется; Хромец;
Завет : из книги «Сонеты солнца меда и луны»; Вечер;
Светлая ночь; Свеча; Вселенский стих : Стихи //
Стремнины : Альманах. Кн. 1. – М. : Книгоиздательство
Л. А. Слонимского, [1916]. – С. 29-36.

034170

АВТОГРАФЫ

К. Бальмонт, С. Есенин, В. Иванов,
Р. Ивнев, В. Каменский, А. Лу-
начарский, А. Мариенгоф,
Б. Пастернак, И. Рукавиш-
ников, В. Шершеневич.

РИСУНКИ :

П. Кончаловский, А. Моргунов,
Н. Розенфельд, Светлов, Г. Якулов.

Зеленый змий.

От края исного до края исного
Молчанье полдневного жара, и лишь
Дрожат изумруды, и слышны, снова,
За глуби льются утробы реки.
Насыщенный выцвел, обдой морювелинник,
Сквозной бережник, пересветы осли,
И это-то как будто за тащали племеник,
Всплывающий дождя не смолкает один.
Навстречу греза. Из дубка крова,
Сорвавший завету, вершины и ветвей,
От края исного до края исного,
Батокать ислеста ислественный змий.
Мелкая и рае как слышно и дико,
От все ошвынута, что было мертво,
И вь красные грозды свои косяника
Вливать всю кровь, чтобы тунить его.

К. Бальмонт.

Бальмонт, К. Д. Зеленый змий : Стих // Автографы: [сборник. Факсимильное издание] или [Литографическое издание] / К. Бальмонт, С. Есенин, В. Иванов, Р. Ивнев, В. Каменский, А. Луначарский, А. Мариенгоф, Б. Пастернак, И. Рукавишников, В. Шершеневич; Рисунки: П. Кончаловский, А. Моргунов, Н. Розенфельд, Светлов, Г. Якулов. – [М. : 2-я Государственная типография, 1919]. – С. 1.

12194кЭ

К. Д. Бальмонт.

Известный поэт Константин Дмитриевич Бальмонт родился в 1867 году в усадьбе Гумнищи Шуйского уезда. Учился в Московском университете, откуда уволен за студенческие беспорядки. Первый сборник его стихотворений издан в г. Ярославле. Бальмонт является типичным представителем городской культуры, с ее быстро меняющимися настроениями. В революционный период (1905 г.) в настроениях Бальмонта встречается стремление слиться с жизнью массы. Нередко Бальмонт ищет вдохновения в легендах, песнях и верованиях первобытных народностей, ему принадлежит целый

ряд переводов первоклассных западноевропейских поэтов.

В истории выработки новой поэтической формы значение Бальмонта огромно. Он сумел придать русскому стихотворному языку удивительную гибкость, звучность и красочность и один из первых сблизил у нас поэзию с музыкой.

Бальмонт нередко бывал в г. Иваново-Вознесенске. Между прочим, в 1917 г. (в дни свержения царизма), будучи в нашем городе, он написал следующее стихотворение, не вошедшее в его сборники:

ВОЛЬНЫЙ СТИХ.

Какое гордое счастье—знать, что ты нужен людям,
Чувать, что можешь пропеть—стих доходящий в сердца!
Сестры! Вас вижу я, сестры! Огнем причащаться будем!
Кубок пьянящей свободы, братья, допьем до конца!

Силою мысливших смело, свершеньем солдат и рабочих,
Вольными быть нам велит великая в мире страна.
Цепи звенели веками. Цепи изношены. Прочь их!
Чашу пьянящего счастья, братья, осушим до дна!

Смелые сестры, люблю вас! В ветре вы птицы живые!
Крылья свободы шуршат шорохом первых дождей.
Слава тебе и величье, благодатная в странах Россия,
Многовершинное древо, с перекличкой и гудом ветвей!

Иваново-Вознесенск.
1917. 13—14 марта. Ночь.

Бальмонт, К. Д. Вольный стих // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник (календарь-справочник) на 1921 год / Ив.-Возн. губерн. исполком. — 3-й год изд. — Иваново-Вознесенск : Государственное издательство, 1921. — С. 299-300.

ВОЛЯ В НЕВОЛЕ.

В заточеньи мне дано
Только тусклое окно.
И железною решеткой
Так исчерчено оно.
Что луну не вижу четкой:—
Чуть засветится, она
В клетки вся заключена!

В заточеньи мне даны
Только вкрадчивые сны.
Чуть из дымных средоточий
В крове темной тишины
Подойдет забвенью ночи,
И, дремотой обложен,
Синей сказки дышет лен.

Вижу море изю льна,
Бьет лазурная волна.
Много синих струй и точек.
Голубая глубина.
Жива сафировый цветочек.
Мой челнок, мне данный сном,
Реет в Море голубом.

ВРУБЕЛЬ.

Врубель—пламя, лебедь, демон,
Врубель—бешеная скачка
Четырех копыт коня.
Вот оракул. Тих и нем он.
Но зазыбила заплата,
Вмиг слетает с уст, звеня.
Врубель—демон, лебедь, пламень,
Ценный камень,
И сирень.
Врубель—косвенная тень,
Уплывающая лодка,
Взбрызги солнц, плеснувших четко
На заветную ступень
Тайной лестницы, ведущей
В мир тончайший, вечно сухой,
В наш великий, в наш грядущий,
Богоравный день.

ЗАБАВА.

Я веселился
С Забавой Белой
Я опушился,
Как колос спелый.

Смеялся, умылся
Я свежим снегом.
В полях носился
Проворным бегом.

Я в шелк рядился,
И в бархат пышный.
В лесах кружился,
Как дух неслышный.

Я притаился
За косяками.
Я в дом лопился,
Гремя замками.

Я засветился,
Плясал и топал.
О стены бился,
И ставней хлопал.

В трубу укрывался,
Насытился скачкой.
И там томился,
И ныл заплачкой.

Освободился
От злой неволи.
Оборотился
Я зайцем в поле.

Воронкой вился
В песчинках снега.
И сам дивился,
Что в этом нега.

Скакнул, вонзился
В крыло воронье.
С ней наклонился,
В крестопоклонье.

Мечтой влюбился
В верченье круга.
С Забавой слился,
И мчит нас вьюга.

ЖАЖДА.

Из жажды музыки пишу стихи мои,
Из страсти к музыке напевы их слагаю
Так звучно, что мечте нет ни конца, ни краю,
И девушка мой стих читает в забытии.

Я в сердце к ней войду, верней, чем яд змеи.
Хотела б убежать. Но вот я нагоняю.
Моя? Скажи мне. Да? Моя? Я это знаю.
Тебе огонь души. Тебе стихов ручьи.

Из жажды музыки рождается любленье.
Влюбленная любовь, томление и боль.
Звучи, звучице! Еще! Не обездолю!

Я к Вечности приник. В созвучьи исцеленье.
В непрываемом душе побыть дозволю.
Дай безконечности! Дай краткому продленья!

М 825
аМОСКОВСКИЙ
АЛЬМАНАХ

25-620

Т-ВО «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В МОСКВЕ».

1922

1941

1948

Бальмонт, К. Д. Воля в неволе; Врубель; Забава; Жажда; Путь;
Двое : Стихи // Московский альманах. — М. : Товарищество
«Книгоиздательство писателей в Москве», 1922. — С. VII-IX.

3985_к

ЛЮБОВЬ МНОГОЦВЕТНАЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ.

Издательство «Эос».
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК.
ОБЪЕДИНЕННОГО 1922

ЛЮБОВЬ МНОГОЦВЕТНАЯ

Избранные стихи

А. Блока, В. Брюсова, А. Вллага,
А. Ахматовой и др.ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
С. А. КРАЕВОЙИздательство «Эос».
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК.
1922.

1941

СТ

— 2010

К. БАЛЪМОНТЪ.

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной

Только въ одномъ:

Быть какъ цвѣтокъ полусонный

Въ блескѣ и шумѣ дневномъ,

Внутреннимъ свѣтомъ свѣтиться,

Все позабыть, и забыться,

Тихо, но жадно упиться

Тающимъ сномъ.

Счастье ночной Белладонны—

Лаской убитъ.

Взоры ея полусонны,

Любо ей день позабыть,

Свѣтомъ луны расцвѣтаться,

Сердцемъ съ луною встрѣчаться,

Тихо подъ вѣтромъ качаться,

Въ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали,

Радость моя!

Радости нѣтъ безъ печали

Между цвѣтами—змѣя.

Кто же съ душой утомленной

Вспыхнетъ мечтой полусонной

Кто расцвѣтетъ белладонной,—

Ты или я?

49

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.

Ласково млѣть прохлада.

„Милый! мой милый!“ Свѣтло,

Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,

Вдаль, подъ луною бѣля.

Ластятся волны къ веслу,

Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю

Лепетъ зеркальнаго лона.

„Милый! Мой милый! Люблю!“—

Полночь глядитъ съ небосклона.

50

Любовь многоцветная : Избранные стихи А. Блока, В. Брюсова, А. Белого. А. Ахматовой и др. — Иваново-Вознесенск : Эос, 1922. — С. 47-52.

The background is a collage of historical figures and symbols in a sepia tone. It includes portraits of men in 19th-century attire, a woman holding a child, and a large, detailed illustration of an eagle with spread wings, likely representing the Russian Empire. The text is centered over this collage.

Очерки и критические статьи

МІРЪ ИСКУССТВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

№ 1-12

Издательство «Сибирский университет»
Иркутск, Г. Соловьев

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1899

ПОЭЗИЯ УЖАСА

(Франсиско Гойя, какъ авторъ офортовъ, 1746—1828).

Sur l'oreiller du mal c'est Satan Trismégiste
Qui berce longuement notre esprit enchanté
Racine

Давно и красноречиво сказано о гармонии сфер. Препятствия давали быть этой гармонии, сепарации, охватывавшей дружные равноправные личности. И с тех самых пор, и много раз, человеческое сознание, воспринимая как высшую красоту мироздания, созвучие творческих. Поэзия, музыка, и все существование несут, и религиозное сознание, свое пропитывание утверждением и установлением связи между человеческими, — и с великой правдой Непосвященного, — все это сорбит гармонии и, существуя в мировой идеальной соразмерности, достигнуто в правдивости узоров, составленных, занумену, грядущ.

Замкнута в її правильності. Это один із моментів нашої душевної життя, і, як і всякі мудрі, менші совершенства. Его діяльність творення — все людське искусство, неспокійне, мрійливості, і соприродності людських отчуждений, хранящих в теченіи долгих недінь несподіваності ємності в Мирового Духа; его символы — ритмичность Пракселевых статуи и застывшая ясность святого, превращающегося в камень.

После этого момента бытовое слово, отбрасывая, как кокетство, еще большее прелесть. Проблема выношенных кляузных многообразных тайных знаний, соображений и чувств, которые охватываются на протяжении, сибиряк не является проблемой, поскольку становится размером сущности, не столько трансцендентной гармонии, а в первую очередь личности. И тогда, вместо тайны эстетической гармонии, проекция и возни оттаивания выражаются изъёмом. Вместо обаятельной сущности *Gloria in excelsis* слышится стон Шуманского *Moderato*, и, вместо гармоничной, полной Витгеры, вместо гармоничных выводов, созданных эстетической фантазией, и, озабоченная несобственностью, как несобственностью — возмущением халдеями, вместо ее головною кляз, слышишь шажки и замыки хитрой титры, — китайский прикол,

вищою спосібності, розвертаючи, обираючи безграничність неба, — в безобразній чудовищі, охрещення виходячи з індійських мандиць; замість чистоти богослужіння — крикливої шабани; замість власної сміливості — *danses macabres*; замість нічної думки — *хохот* Свифта; замість кроткої пасторалі — роман Дюстовеґа; замість релігії — промислі; замість божественної гармонії *сфер* — нестримна погоня

[illegible][illegible]

176

[illegible][illegible]

спасаю чужое: сберу искусство; *Los Caprichos, Fantasia*, Гоги — изучать учеников, сближаюсь с восторгом, волнуясь, как волнуется полуоткрытая дверь, ведущая к новому, еще неиспытанному нами.

Объяснение крестов и бриво-угадиных законов.

[illegible][illegible]

Бальмонт, К. Д. Поэзия ужаса (Франсиско Гойя, как автор офортов, 1746-1828) // Мир искусства. Т. 1. № 1-12 / ред. С. П. Дягилев. – СПб. : Типография Эдуарда Гоппе, 1899. – С. 175-185. : ил.

ЗОЛОТОЕ РУНО

журнал
художественный
литературный
и
критический
№ 1
январь
1906

journal
artistique
littéraire

ДВА СЛОВА ОБЪ АМЕРИКѢ.

изъ писемъ съ дороги.

18 июня. El Paso.

Послѣдній привѣтъ съ границы Мексики. Вчера вечеромъ прѣхъ въ этотъ первый американскій городъ, бывшій когда-то испанскій. Первое впечатлѣнiе отъ Америки—самое живительное. Миръ кажется, что я погружусь въ веселiя воды нарзана. Бодрая веселая лица кружатъ, ощущение свободы, звуки музыки, свистъ паровозовъ, кипѣнiе жизни,—все, что угодно, вплоть до маскарада Армии Спасенiя. Нѣкоторыя улицы Эль-Пасо напоминаютъ набережную Ялты, другiя — шумныя улицы большого европейскаго города, третьи — совершенно деревенскiя. Мелькаютъ лица негровъ, жетиковъ, китайцевъ. За ступи адсья я слышалъ больше музыки, чѣмъ за полгоза въ Мексикѣ.

27 июня. San-Francisco.

Я, наконецъ, въ царствѣ колибри — въ паркѣ Золотыхъ Воротъ, находящемся въ окрестностяхъ Санъ-Франциско, я въидѣлъ ихъ цѣлое множество. Здѣсь торжественно птицъ и растений персть громадою Тихаго Океана. Прѣхъ сюда изъ Мексики, я сдѣлалъ одно изъ самыхъ красивыхъ путешествiй. Я прѣхъ часть Техаса, Новой Мексики, Аризона. Горы Аризоны — одна изъ самыхъ загадочныхъ и прекрасныхъ сказокъ.

21 июля. Атлантическiй океанъ.

Вотъ уже около недѣли, какъ я опять плыву по голубой Атлантикѣ, но теперь съ каждымъ новымъ часомъ я приближаюсь къ роднымъ мѣстамъ, къ близкимъ людямъ.

Черезъ 3 дня я буду въ Charing Cross'otelъ, и въ National Gallery, и на Regent-Street, и въ Hyde-Park's. Невпритворно, и такъ хорошо. Какъ я люблю Англию и Англичанъ! Это — моя душа. Я потому и возмущаюсь на Американцевъ, что они през-

DEUX MOTS SUR L'AMERIQUE.

Notes de voyage.

El Paso, le 18 juin.

Dernier salut de la frontiere de Mexique.

Je suis arrivé hier au soir dans cette ville américaine, qui fut jadis espagnole. La première impression produite par l'Amérique est des plus vivifiantes.

Il me semble que je me plonge dans les eaux stimulantes du Narzan. De tous côtés des visages animés et gais, un sentiment de liberté, de la musique, des sifflets de locomotives, le frémissement de la vie — il n'y manque rien, pas même la grotesque mascarade de l'Armée du Salut. Quelques rues d'El Paso rappellent les quais de Yalta, d'autres — les bruyantes artères d'une grande ville européenne, d'autres enfin ont un aspect tout à fait rustique. Des figures de nègres de métis, de Chinois passent rapidement. J'ai plus entendu de musique ici, en un seul jour, que pendant un séjour de six mois au Mexique.

27 juin. San-Francisco.

Me voilà enfin dans le royaume des colibris — au parc des Portes d'Or, dans les environs de San-Francisco, j'en ai vu des légions. C'est le triomphe des oiseaux et des plantes en face de l'immensité du Pacifique. Mon voyage du Mexique à San-Francisco a été des plus charmants. J'ai traversé une partie du Texas, du Nouveau Mexique, de l'Arizona. Les montagnes de l'Arizona sont comme une belle légende pleine de mystère.

21 juillet. L'Océan Atlantique.

Voilà déjà près d'une semaine que je navigue sur les eaux bleues de l'Atlantique, mais à présent chaque heure me rapproche du pays, des miens.

Dans quatre jours je serai à Charing Cross, j'irai à la National Gallery, à Regent Street, à Hyde-Park. Cela paraît invraisemblable, et c'est si doux. Que j'aime l'Angleterre et les Anglais. C'est une partie de moi-

se, ставятъ изъ себя карикатуру Англичанъ. Американцы, это противная сѣбѣ Британца, Нѣмца, Бельгiца, Швейцарца, и еще чортъ знаетъ чего...

Миръ хотѣлось бы написать подробно о моихъ впечатлѣнiяхъ отъ Америки и Американцевъ, но, кажется, я не въ состоянiи. Спishкомъ не полны и бѣглы были впечатлѣнiя, и я не могу на нихъ съ точностью полагаться. Могу сказать только, что наши книжники, съ дѣтства составившая представлѣнiя объ этой странѣ и людяхъ, иногда вѣрны, съ однимъ только исключенiемъ: въ Америкѣ до мучительности мало личной свободы, и въ Америкѣ вовсе нѣтъ тѣхъ кошмарныхъ позволяющихъ городовъ, которые мы себѣ рисуемъ. Кто въидѣлъ Лондонъ и Барселону, того не удивитъ Нью-Йоркомъ. Кто въидѣлъ хотя бы Берлинъ и Антверпенъ, въидѣлъ Чикаго можетъ лишь вызвать презрѣнiе. Американцы — хорошие работники, они добродушны, они честны, и въ денежныхъ счетахъ не мелочны. Но они грубы, безвкусны, безграмотны, они воплощенiе материальности, они каждую минуту дѣлаютъ дѣла, они торжественно маршируютъ, занятые однообразнымъ изготовленiемъ долларовъ. Образецъ ихъ отношенiя къ литературѣ и искусству можетъ быть иллюстрированъ двумя-тремя маленькими прикладами.

Въ Чикаго музей изящныхъ искусствъ состоитъ почти сплошь изъ большихъ статушекъ съ тѣхъ скульптурныхъ оригиналовъ, которые мы знаемъ въ британскомъ музеѣ, въ Луврѣ, и другихъ европейскихъ или въ европейскихъ музеяхъ. Эти копiи перекуплены съ оригиналами. О, гнусная сѣбѣ пазарогъ и износъ! Это какъ если бы на всѣхъ базарахъ продавали восковыя куклы Калдериона и Шелли, и глянцевыя изображенiя Гималайскихъ высотъ. Въ Санъ-Франциско, послѣ долгихъ исканiй, я нашелъ лишь два книжные магазина. Въ одномъ въидѣлъ съ новыми книгами продавались позерщаныя, все укрупненнаго достоинства. Другой назывался теософскимъ, но въ дѣйствительности былъ спиритическимъ, или «спиритуалистическимъ», какъ конфузно сообщалъ мнѣ хозяинъ, въ отвѣтъ на мое сдержанное

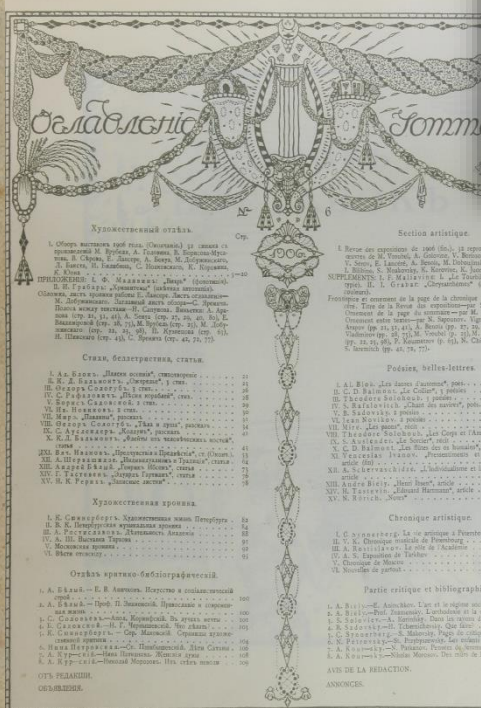
meine. Aussi les Américains m'exaspèrent parce qu'ils ne sont qu'une caricature des Anglais. L'Américain — c'est un mélange repoussant d'Anglais, d'Allemand, de Belge, de Suisse, et encore de diable sait quoi...

Je voudrais bien écrire en détail mes impressions sur l'Amérique et les Américains, mais il me semble que je ne suis pas en état de le faire. Mes impressions sont trop incomplètes, trop superficielles et je ne puis me fier à leur précision. Tout ce que je puis dire c'est que nos idées sur ce pays et ses habitants, alimentées par des lectures d'enfance, sont de tout point conformes à la réalité, à une exception près cependant: en Amérique on souffre cruellement du manque de liberté individuelle, et on n'y voit pas du tout ces villes «cauchemaresques» et colossales que nous nous représentons. New-York n'étonnera pas celui qui a vu Londres et Barcelone. Le voyageur qui a visité ne fût-ce que Berlin et Anvers ne peut ressentir du mépris pour Chicago. Les Américains sont d'excellents ouvriers, bons garçons, honnêtes, sans mesquinerie dans les transactions commerciales. Mais ils sont grossiers, sans goût, illettrés, véritable incarnation de la matérialité, toujours quelque affaire en tête, marionnettes affairées, absorbées par la production monotone du dollar.

Deux ou trois petits exemples suffiront pour caractériser leur conception de la littérature et de l'art. A Chicago le Musée de Beaux-Arts renferme presque exclusivement des reproductions de sculptures connues du British Museum, du Louvre et d'autres musées européens ou extra-européens. Ces copies sont placées à côté d'œuvres originales. O, mélange abject de pédagogie et de bassesse! C'est comme si dans les bazars on vendait des figures en cire de Calderon, et des reproductions en terre cuite des monts Himalaya.

A San-Francisco, après de longues recherches, je n'ai pu découvrir que deux librairies. Dans l'une, à côté de nouveautés, on vendait des livres d'occasion — le tout de valeur médiocre. L'autre magasin s'intitulait librairie théosophique, mais était en réalité spiritiste ou spiritualiste, comme l'avoua tout confus le libraire en réponse à l'indignation contenue que je manifestai de ne rien trouver sur la théosophie. Dans

Бальмонт, К. Д. Два слова об Америке (Из писем с дороги. 18 июня) // Золотое руно : журнал художественно-литературный и критический = парал. на фр. яз. / [ред. и изд.: Н. П. Рябушинский]. — М. : Н. П. Рябушинский (Товарищество тип. А. И. Мамонтова), 1906. — № 1. — С. 72-76.

Dwie są bowiem melancholje: jedna
jest z mocy, druga ze słabości; pierwsza
jest skrzydłami ludzi wysokich, druga ka-
mieniem ludzi topiących się.

Slawski, Anelli.

[illegible]

Волны Моря равномерно ударили о пески, золотые пески, передъ тѣмъ какъ стать сѣрыми. Волны Моря точили пески

* В зв'язку з цим у другому виданні статті К. Д. Бадявського, редакція, згідно з коментарем, для статті використала скорочення назви: «Майністи» за Бадявським.

и рождался счастливый гость, кончавшийся шипением и по-
том. Но жалеть этого злупца и агонизирующего безумно-
мучительного и милого, как бы этого злого мольба, подползая счи-
стому мучила. Во этом мучительном рыдании уверенно
торжествует и тот же мучитель. Он, начинаясь с
мучительных красок чувства, с полупрозрачных, с
мечкою чего-то ублажающего, или возмущающего, уклоняясь
журчанием; ища, говорить, упрямляясь, ублажаясь; ища
ручьев становилось потоком; дилемма проходила, и
ощущения, грохотаясь; возмущая шипеть; доходить до кри-
ка, дойти до кричащего утешения, кудруг утешения; с ду-
мкою мучительного; мучительна на время превращалась; только
сбившись жалобами, то тут, то там, погасаясь брызги и
доля, тогда разорвалось: окрестие — и еще еще падали

Печальные люди с бронзовыми лицами, на которых тускло светилось воспоминание, — падают, перегибаясь, от отчаяния, надежды, — люди из былых охотничьих поминьях савакэа, сбежавшие из костра, и это они создали мифы, история звучит из-за них. Во всем, что до нас, что кажется орудием, — была странность, противоречие. А Нобэ был возмущен золотом и растаскиванием руды, — люди из с бронзовыми лицами скорбят не на миг, но на красное пламя костра, с его дикой несправедливостью. На островном языке Уматэа мифы охоты, охотники, вожди.

на ботанических картинах мысленно все раскрасил, как бы хотел, — но среди деревьев, деревьев и среди цветов распустились жёлтые губы, откланялись жалкие плахи, сдвинулись и скрутили. Только одна высокая бабка, круглая башка на холме, казалась бы прекрасной, если бы не то, что она полагалась на припарку торжества и если бы не то, что это, собственно, совсем не смотрелось на не черные ряды разбегавшихся кошунов. И четкие пальцы с втертыми жёлтыми листьями, дикими орехами, свисавшими с деревьев, огненные джесты плахи, шифта, — все говорило о знойной страсти, но жёлтые губы о Сьерре, ртуть о Сьерре, и в саломатии смелости жести, выдох, бытовомысленный беглом, о котором бы хотелось выговорить.

свѣтъ, мѣкла сосны, широкія сѣи, тосковать въ безконечной змѣтѣ.

Почему эти флейты так странно звучат? Отчего их
вид так причудлив? Почему в достижении звуковых
вершин так явственно крик убитого? Отчего эти флейты
близко к густым сумеркам?

Я всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ людямъ, бывшимъ у костра. Я могу говорить на ихъ языкѣ. Временами когда я блуждаю, я могу говорить со всѣми, на любомъ языкѣ—какъ тѣ, кто одержимы дьяволомъ.

Я спросил людей с темными лицами, кто они, что они, с чем повторно поет их долгая пьеса, какая странная, страшная чара в их бездонных флейтах. Они мне ответили:

«Откуда мы родом, мы сами не знаем. Нашли отшельника, заманил сюда и бросил. Мы вечно топчемся о замке, Настя завлекла, завела, обманули. Мы отовсюду окружены Тайной. Мы отовсюду слышим Морейн, и у нас нет ко- раблей. Мы служим врагам, которые живут вне тайм- поща, охраняя круговую башню. И когда кто-нибудь из нас посмотрит вверх, башни другие, его отбавляют, его окружают, его уведут в высокую башню, отсюда же за- саживают, жгут его голоса, потому. Человеческое-Соборное».

...Да, у нас есть надежда,—сказать одним из них—

Ибо двѣ есть печали: одна отъ силы, другая отъ слабости
первая—крылья людей высокихъ, вторая—камень людей упо-
вающихъ*.

И одинъ за другиъ каждый сказавъ свое слово.
 „Бѣдный народъ,—промолишь одинъ,—одно лишь величье
 мы знаемъ, величье неволи“.

«Сколько умерли, сколько умерли», промолвил другой.
«Къ чему стремиться? Повсюду насъ ночь обойметъ», были
еще голоса.

«Мы с теми, что проиграли, играя в судьбы».

„Намъ свѣтло солнца безъ блеска, грядуще боги въ око-
пахъ, моря, домытъ еще не названнаго, вѣчно текущія къ
счастливымъ берегамъ.“

И одинъ воскликнулъ безумно: „Я родомъ невольникъ, но духомъ иститель“.

И другой воскликнул безумно: „Я силю, я вижу, есть путь, хоть длинный. Считаюсь всюду, собираюсь всюду, не

И раздался голос: „Если итья свободы, у насъ есть амулеты—амулеты жести, драконить“.

И все закричали, склоняясь один к другому, так что

«Уйди или пой и прокляни!» закричали они миг, как наступившие, и музыка флейты зазвучала опять, отъезжая

Я вспомнил свой Стъверт, я понял, что въ это самое время тамъ рождается красное Солнце разсвѣтъ, и съ отпущеніемъ бросился изъ залуки.

Я вернулся на Север, не мысля одного, не так же и т. д. Это я ставлю своим со своим, северным, со Севером, со Русскими Русскими. Ничего, уже скажу — Славянину, со Славянами, Славянину, это слово — снытье, звучит в больше невидит в себя. Выходит, слово не только есть сила — грозная сила, связываясь, приобретая в нем вечный характер. Грубость отнята в нем, преобразована. Кильдуну Север противился Югу — ружиями земли развела

и заката переживались из нежы от Востока до Запада; — на плоских равнинах выросли горы, впадины, сибирские, глубокие, обрывистые; — между сфинксов лицами возникли силы; — бронзовые лица стали краской; — суша обнялась с текучею влагою; — зашумело круглое море; — мысль Коперника коснулась Земного Шара; — беснуясь рыцарские мечи; — заиграда музыка; — тонко затрепетало воздушный польский тавель; — разнерушило удыбность вкрасивой материи; — заиграда музыка музыка бьет.

За детские дни до Русского слуха доходили вырванные звуки Польской речки, замирали, слабнели, снова доходили; скоро возникнуло вкрадливо и властно, вкрадливо, но властно. Братья и Сестра были долго в разлуке. Они должны соединиться. Разлука создает ложные мисии, ложные чувства, ложные продолжения пространства и фантазии. Все это гибнет от беседы дучей. Братья и Сестра устроятся

Польская річка—энергій ключа, который взрывает горы. Русский язык—разливы степей, размеренность волнаний равнин. Гордая бронзовая музыка согласных—влажная протяжная мелодия гласных, два языка, Польский и Русский—

Когда звучит адала Польская рѣчи; Русскій слухъ живо прислушивается: — «Вѣдь это мой родной языкъ? Вѣдь это

говорить по-русски? Ничь, постои. Что-то есть еще. Я понимаю и не понимаю. Въ простое виѣшалось таинственное. Не говорить ли я самъ такъ, когда-то, давно-давно? Мы были вмѣстѣ: постои, я и мнѣи.

О, въ этой встрѣчѣ есть странная прелесть — грустная
пѣснь разлуки и свиданья!

Польскій языкъ учить Русскую рѣчь силѣ, онъ есть энергія. Тамъ, гдѣ они совпадаютъ, они одинаково сильны, или

соперничают, съ вѣчной побѣдой и безъ поражения, будучи оба содружно-красивы. Тамъ, гдѣ они разошлись, въ протяжныхъ звукахъ Русской рѣчи слышится мягкость се-

ребра; из судорожно-сжатых порывах Польской речи слышатся вскрики желѣза и бронзы. Русский скажетъ „Вѣ-

Польск. *жолити*: „Wit". Русский промолвит: „Ничего". Польск. *бросити*: „Nie". Русский кивнет: „Къ оружію!" Польск. *отзовется*: „Do bronii!"

Намъ, Русскимъ, нуженъ Польскій языкъ, ибо онъ учитъ
мести. Ибо онъ учитъ силѣ. Учитъ бьетроуѣ.

Бальмонт, Д. К. Флейты из человеческих костей (Славянская душа текущего мгновенья) // Золотое руно : журнал художественно-литературный и критический = парал. на фр. яз. / [ред. и изд.: Н. П. Рябушинский]. – М. : Н. П. Рябушинский (Товарищество тип. А. И. Мамонтова), 1906. – № 6. – С. 43-52.

ЗОЛОТОЕ РУНО

1909

La Boton
200x

ПѢВЕЦЪ ПОБѢГОВЪ ТРАВЫ.

Лишь зори констину свѣтамъ и свѣтамъ, и птицамъ, что поютъ на зарѣ, часто весь день молчать. Лишь въ заревыхъ отбѣсахъ освѣщенію дождя на соборахъ хрустальныхъ капли росы, и звуки, и краски полны невинности и первичной силы, и невинность можетъ быть страстной, а страстность не перестаетъ быть невинной. Еще нѣтъ никакихъ слѣдовъ на этомъ свѣтлѣ дѣтѣ, всѣ побѣги травы принадлежатъ себѣ, ни одна цвѣточка не смѣетъ еще ни раздробляющаго тона копытъ, ни жужжанья, давшей, въ плоскости пригнѣванной, человѣческой ноги. Принять намъ, свѣтамъ зори. Не любить тотъ, кто не любилъ на зарѣ.

Въ островахъ широтъ, гдѣ Солнце еще греетъ, и люди ходятъ полуголые, не нуждаясь въ тѣлесахъ одежды, любящихъ цѣловать другъ друга и говорить: «Братъ мой», «Сестра моя», «Сестра» — «Братъ». А ученый человекъ изъ Европы, вѣстерь Краули, написавшій «Мистическую Поэму» (по наслышкѣ), говоритъ: «На такихъ-то островахъ любовники называютъ другъ друга братьями и сестрами. Первоначальный человекъ не въ силахъ подняться выше неяснаго представленія, что всѣ женщины, близкія ему по возрасту, его возлюбленная сестра». Именно такъ. Но только—поднявшись выше или опустившись ниже? Конечно, конечно. Пока еще живъ и въ жизни, — когда живущею жинь и въ жизни, а не движущая, какъ пугаются маринисты, — когда я люблю люблю, а не играю въ наслажденіе, и не играю въ то, что называется брачной тѣни, и ни въ одну изъ игръ не играю, измѣненныхъ старцами-дѣтми и младшеуважающими старцами, — тогда понятнѣе всѣ женщины, близкія мнѣ по возрасту, суть мои возлюбленные сестры. И всегда. И каждую минуту. Цѣли, чужды, незнакома дѣти, спокойно встрѣчаюсь со мной, улыбаются мнѣ, и я улыбаюсь имъ, потому что въ сердцѣ своемъ навсегда сохраню и живого ребенка, который дастъ мнѣ дѣтскихъ пѣсенки, и дѣти, промолвъ, слышать этого голоса. Отъ зарю по зарю играть по-дѣтски съ дѣтми, по-дѣтскому съ цвѣтами, по-дѣтски съ излучающими птицами. А если кого поцѣлую, какъ могу не сказать ему: «Братъ мой», «Сестра моя»?

Европейские люди не умѣютъ говорить о любви, не умѣютъ мыслить своею воздушною касаться того нѣжнаго, страстнаго и страшнаго, того божественно-завятаго, чей символъ есть тростинка и морская раковина и чей пѣсенъ умственно-беспокойна. Гдѣ имъ, этихъ скупящихъ? Нужно быть Пандорой, чтобы сдѣлать изъ тростинки свирѣль, и нужно быть боготомъ морскими, чтобы скватили, чтобы нѣжно извѣсти морскую раковину, достигъ нѣтъ вѣтвями пѣсенъ въ честь Солнца, Луны и шестнадцати копытъ, и той, нота, этой раковины.

Нѣ всѣхъ тѣхъ, что пишутъ стихи и называютъ поэтами (а сколько ихъ изъ нашей близости), я знаю лишь одного, кто умѣлъ говорить о нашей и равновѣсн. Это — Лербергъ. Его слова въ «Пѣснь Евы» и въ «Свѣтъ замкнутой» невинно-страстно и пламенно-беспокойно. Своими словами, своими найвами онъ излучаетъ, а не выплываетъ, обжигаетъ, а не поджидываетъ. Ибо онъ слышалъ пѣсенъ Панды.

Дай мою руку—руку твою живу,
Окрутую, нѣжную, роу твою молодую,
Насѣвъ въ круговую.

И онъ поетъ, въ мировой ямскѣ, окрутую грудь своей любимой, своей сестры. Она сама восклицаетъ:

Окрутой мой ротъ, и окрутая грудь, съ нимъ въ ладъ,—
Какъ кубокъ и какъ виноградъ.
И тонкое золото шелковѣ длинныхъ волосъ
Все съ розами, съ крутыми розами нѣжно сплоско.

Онъ вступилъ въ магическій кругъ мировой влюбленности, всемирнаго танца свѣтлѣ, въ образность блаженную закружившихъ формъ, и ему легко пѣть:

Луна въ небесахъ, что проходить черезъ насъ ночью,
И Солнце, что утромъ такъ ярко до-днесь,
Голѣя руки мои, и кудри мои золотыя,
Мой поцѣлуй, и сердце мое вотъ здѣсь,
Все, что красивѣе всего изъ входящаго въ жизнь мировую,
Кругомъ, и мѣръ нашъ не круглый ли весь.
Въ круговую.

Лербергъ, уйдя отъ людей, замкнувшись, какъ въ кельѣ и какъ въ часовнѣ, изъ своего одиночества, черезъ это вышелъ на возмущенную волно слѣпнѣ съ мировыми, и потому его голосъ такъ звучитъ, какъ звучитъ воны прибой, и такъ освѣщенности, какъ освѣщенности вѣтеръ, и такъ страстенъ и пыленъ, какъ страстенъ и пыленъ цвѣтокъ, и такъ безстыдно-невиненъ, какъ безстыдно-нежно разстеленнаго тѣла юной дѣвушки, облаты своя или скатой въ любовномъ объятіи.

Она развѣдала на поцѣлѣ устны, и стала нагая,

Въ нѣ трестѣ, руки свои изъ поцѣлугу приходу его раскрывала.
Касанія русь его бѣды—до воздуха, вѣтровъ, молчанья и нощи,
И Солнце явилось въ глазахъ у ней, ослѣпило ей очи.
И онъ поцѣлуй, дроздой и дѣви, божески полный сносомъ,
Быть, какъ цвѣтокъ, какъ цвѣтокъ раскрытый, который срывалось, промолъ.

Но Лербергъ—все же сынъ Европы, страны, которая уже всѣмъ сказала, переполнилась и четыре, и семь, и тринадцать, и двадцать разъ явила свой ликъ такъ и этакъ, сипнотѣ людей, для которыхъ ничего не осталось, какъ быть виртуозами, отпавшая раскату, усложненъ миксированный балъ и усложняется игрою по нѣжной полетѣ и по нѣжному скоростѣ.

Лербергъ — маленькое чудо, ибо онъ сумѣлъ уйти отъ условности и измѣненности Европейскаго, но чтобы создать широкой освѣщенности потокъ перерожденнаго плакса, мало быть благодарной отчужденной личностью, нужно еще чувствовать за собою океанскую громаду неизмѣненной страны, циклическій оплотъ еще свѣжаго, еще живого, еще немер-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Художественный отдѣлъ.

1. Скульптура П. Гогена, 15 репродукцій. 1—14
2. Выставка картинъ „Золотое Руно“.
3. Репродукцій съ картинъ Пала Крива. 15—18
4. Пала Гогена (Золотое Руно). 1
5. Оруженіе изъ Ноа-Ноа. 1—VII

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- а) Пала Гогена, «Рѣка по дереву» (Ботаника дѣлаетъ). б) М. П. Удальцова, «Портретъ Бориса Зайцева» (предѣльная картина).
- Рисунки: Помесь-де-Шанель (VIII), А. Родина (48), Е. Карьеръ (11), Бранковъ (62).
- П. Гогена, Гитара на деревѣ. 1
- Надпись съ мѣдальона Лиса Гогена—В. М. Гогена.
- Обложка: рисунокъ М. Врубеля, напечатанъ Е. Лансере, марка И. Вандина.

Литературный отдѣлъ.

1. Станиславъ Пшибышевскій, «Дѣнь стонѣтъ», романъ. 19
2. М. Кузнецовъ, «Исконный Исходъ», романъ. 49
3. Сергей Горюховскій, «Исконный Исходъ», романъ. 59
4. М. Кузнецовъ, 5 эпиграммъ. 64
5. К. Д. Бальмонтъ, «Литературный отдѣлъ». 67
6. Александръ Паоки, «Россія и интеллигенція», стат. 78
7. В. И. Ивановъ, «О русской наукѣ», стат. 84
8. Сергей Горюховскій, «Ивановъ», стат. 94
9. Сергей Александръ, «М. П. Петербургъ». 99
10. Г. Кузнецовъ, «Литературный отдѣлъ», стат. 108
11. Вѣтъ отъ редакціи. 108
12. Объявленія. 108

SOMMAIRE.

Partie artistique.

1. Sculpture de P. Gauguin, 15 reproductions. 1—14
2. Exposition de tableaux de „Le Totou“.
3. Reproductions des tableaux de Paul Gauguin. 15—18
4. Paul Gauguin (Totou). 1
5. Fragments de Noa-Noa. 1—VII

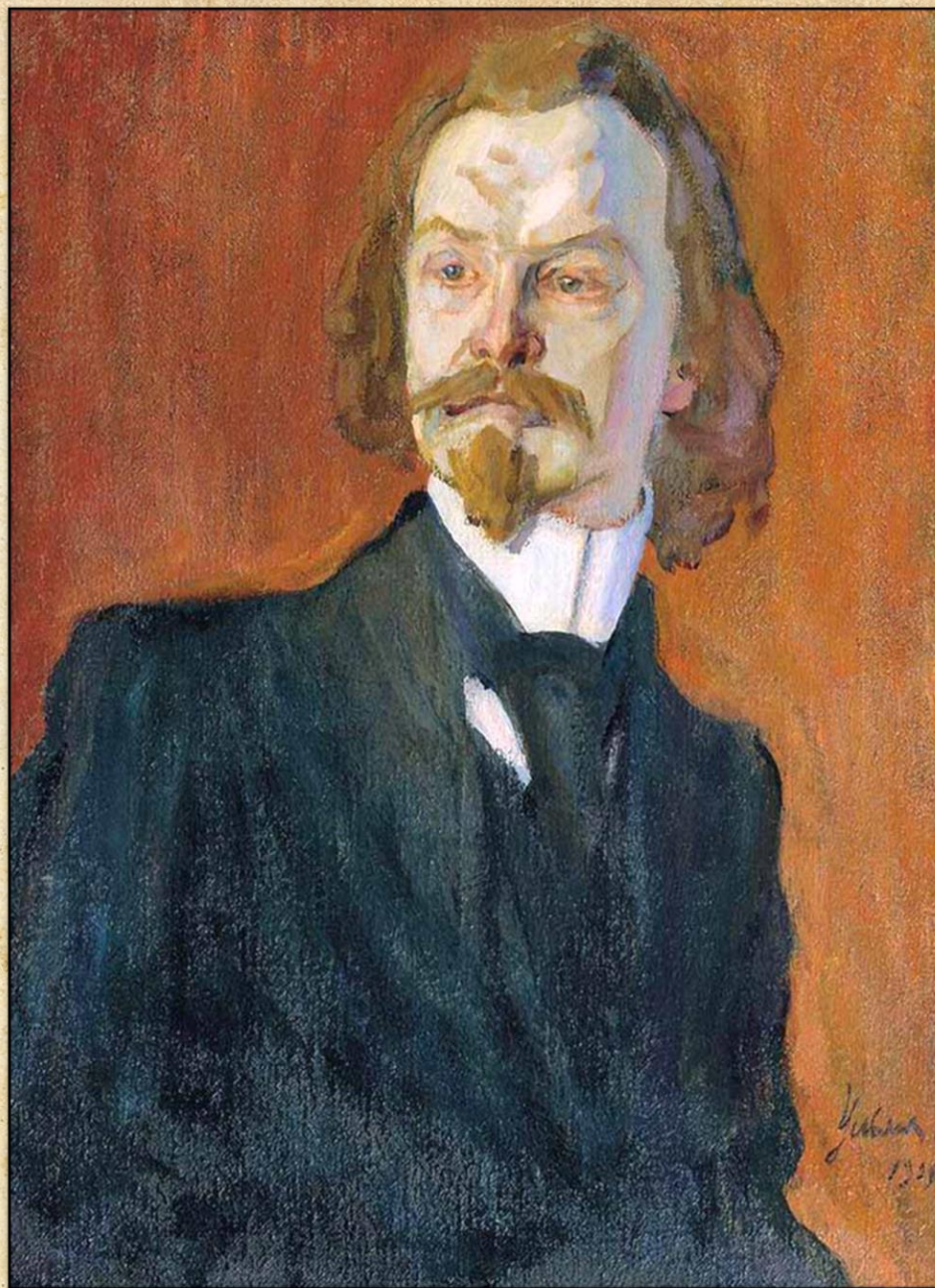
SUPPLÉMENTS:

- a) Paul Gauguin, «Sculpture sur bois» (Boutique d'œuvre). b) M. P. Oudalova, «Portrait de Boris Zaïtzev» (œuvre finale).
- Dessins: Pomès-de-Chanailles (VIII), A. Rodin (48), E. Carrière (11), Brancovsky (62).
- P. Gauguin, Guitare sur bois. 1
- Inscription de la médaille de Lise Gauguin—V. M. Gauguin.
- Couverture: dessin de M. Wroblewski, imprimé de E. Lancer, marque de I. Vandine.

Partie littéraire.

1. Stanislas Przybyszewski, «Le jour du Jugement Dernier», roman. 19
2. M. Kouznetsov, «Le tout premier», roman. 49
3. Serge Gorodetsky, «Le tout premier», roman. 59
4. M. Kouznetsov, 5 poèmes. 64
5. Constantin Balmont, «Littérature». 67
6. Alexandre Paouki, «La Russie et l'intelligence», article. 78
7. Vassilias Ivanov, «Sur la science russe», article. 84
8. Serge Gorodetsky, «Ivanov», article. 94
9. Serge Alexandre, «M. P. Pétersbourg». 99
10. G. Kouznetsov, «Littérature», article. 108
11. C. Tchoukhov, «Littérature», article. 108
12. Nouvelles de rédaction. 108
13. Avertissement de la rédaction. 108

Бальмонт, К. Д. Певецъ побеговъ травы // Золотое руно : журнал художественно-литературный и критический / [ред.-изд.: Н. П. Рябушинский]. — М. : Типо-литография И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. — № 1. — С. — 67-77. — Особенность экземпляра: В оглавлении другое название: «Лирика пола», статья опубликована в журнала 1908, № 5.

Ульянов Н. П. Портрет поэта К. Д. Бальмонта. 1909.
Государственная Третьяковская галерея

ОГЛАВЛЕНИЕ.

SOMMAIRE.

Художественный отделъ.	
I. 7 репродукцій картинъ художника Ломтева	5—10
II. 11 репродукцій эмалевыхъ издѣлій въ Россіи, стат.	I—VIII
IV. Бар. Врангелъ. Николай Алексѣевичъ Ломтевъ, стат.	IX—X

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Василій Миліотъ. Поэтъ (трехцвѣтная репродукція).
Николай Ломтевъ. (Галерея Третьякова, луврская репродукція).
Обложка: рисунокъ М. А. Врубеля, гравюра Е. Лансеры, жара Н. Балабанова.

Литературный отделъ.

1. М. Кузминъ. Нижній Голгофъ (сочиненіе).	19
2. К. Д. Бальмонтъ. „Сибилла“ очеркъ.	28
3. И. Шиникій. „Въ роляхъ сказки“	32
4. Воляфингъ. О мушкетерѣ (сочиненіе).	37
5. III. Морисъ. Голгофъ изъ скульптуръ, стат.	47
6. Героденскій. Фортепьяно, стат.	52
7. Жюльенъ. Объ оперѣ вообще, стат.	59
8. Хрущовъ	65

9. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Partie artistique.	
I. 7 reproductions des tableaux du peintre Lomtef	5—10
II. 11 reproductions d'ouvrages en email „en Russie, article	I—VIII
IV. Baron Wranguel. Nicolas Lomtef, article	IX—X

SUPPLÉMENTS:

Basile Miliot le Poete (reproduction en 3 couleurs).
Nicolas Lomtef (Galerie Tretiakov; reproduction en 3 couleurs).
Couverture: dessin de M. Wrobel, vignette de H. Lanceray, marque par Balaban.

Partie littéraire.

1. M. Kouzmine. „Le doul Joseph“ (fin).	19
2. C. D. Balmont. „Sibylle“ esquisse.	28
3. M. Chinsky. Légende	32
4. Wolfing. La critique musicale, article	37
5. Ch. Morice. Gauguin sculpteur, article	47
6. Gorodetsky. „La formologie“, art.	52
7. Gilliaef. De l'opera en général, article	59
8. Chennique	65

9. ANNONCES.

СИБИЛЛА.

(Очеркъ.)

Если въ блѣдомъ всегда я живу,
Прямо въ эту безвѣстную гажу—
То не съ тѣмъ, чтобъ со мной говорить,
Не затишь, чтобъ меня полюбилъ.

Александра Герцыкъ.

Она пришла ко мнѣ, въ блѣдой одеждѣ, и вся осыпанная бѣлыми сѣточками, и спокойно подошла ко мнѣ близко-близко, ибо въ этой близости были только лунный сѣтъ, блѣлый, холодный, спокойный, о, спокойный въ самой извѣстности. Лунный сѣтъ обвивалъ дѣлестикъ ночного лѣтѣла, не предавая ни его, ни себя нескромности многихъ, много-много-много-много. Лунный сѣтъ, обвивалъ весь мѣръ—вѣдывая, вознося глубинное. И волны тѣнутся къ Лунѣ, хотѣтъ быть съ нею. Но нѣтъ въ нихъ волненія—душности солнечнаго дня.

Они заглянула мнѣ въ глаза и сказала: „Во мнѣ сидѣлъ не одинокимъ, и вы мнѣ сидѣли именно такимъ.“ Она говорила это мнѣ простымъ, человеческимъ, говоромъ, но, чудилось мнѣ, она говоритъ слова своимъ—себѣ, а не мнѣ. Они дохнули какъ будто издали, изъ сказки, изъ воспоминанія, изъ неведомой глубины.

И хоть душа моя говорила ей „ты“, чувствуя, что вотъ, наконецъ, опять, черезъ долгіе сроки, подошла родная душа, и сказала этой, въ блѣдой одеждѣ, простымъ и далекимъ, человеческимъ говоромъ: „Будете добрыми гостями и противъ мнѣ одну изъ своихъ напѣвностей“.

Она отыгивала. Я чувствую вѣстность. Дышка вѣстности.

Она отыгивала. Я чувствую вѣстность. Дышка вѣстности.

И голосъ ея, задержанно-страстный, проговорилъ:

Женщина тамъ на горѣ сидѣла,
Ворочалась надъ травами сонными—
Ты не слышала? ты не смотрѣла?

Травы, вѣтромъ склоненныя...

То стучалось изъ море волоса,

Или женские нѣдѣли волоса?

Ты не видѣла?

Что-то шептала, руду унимала?

Или сердце свое горючее?

Или въ землю стучалась, премуцую?

Что-то она уговаривала...

Земле, быть можетъ, заговаривала?

И курносъ паръ, и калѣлся жаръ,

И роса пришла, и неба плыла.

Ты не слышала?

Вѣтеръ навѣрно знаетъ,

Что она тамъ шептала,

Вѣтеръ слова какаетъ...

Я ихъ слышала.

— Мимо, мимо идите,

— Рвите невѣрная нити...

— Ахъ, упавшите, обманъ!
— Ахъ, обманите туманы!
— Вырота здѣсь на холмѣ,
— Безъ вѣсти мопина,
— Савать весенній мѣлъ,
— Время такъ само—
— Ахъ, раскелусъ я рѣкой отсюда,
— Буду летѣть, носить облака,
— Ахъ, не нужно зеленого чуда,
— Небу я буду вѣрна,
— Мимо, мимо идите,
— Вѣчныя тонкія нити,
— Созаніе меня не обманетъ,
— Сердце меня не затѣнетъ,
— Дальше не помню слова,
— Хочетъ молчать Тишина,
— Это настала весна.

Я слушаю, зачарованный. Такъ, значитъ, это правда. Она тоже мнѣ сидѣла, эта Сибилла. Именно такой. Еще два года тому назадъ, въ извѣстной вѣстѣ, напечатанной въ Петербургѣ, подъ названіемъ „Дѣтства Ора“, я прочиталъ нѣсколько стихотвореній, подписанныхъ именемъ Александры Герцыкъ, и тонко-изысканный образъ поразилъ мое воображеніе блѣдыми своими сѣточками, лунною царой.

Если въ блѣдомъ всегда я живу,
Не затишь, чтобъ меня полюбилъ...
Если долго сплыву у окна,
То не жду, не жду никого я...
И веселой бываю куда я,—
Не людьми и не въ людяхъ сидѣла я...

Сколько дѣвической, изысканно-дѣвственной тоски. Сколько тайного познания, предчувствія, неслѣдственности съ тѣмъ, что идутъ и проходятъ, съ тѣмъ, что названо, умирать. Земная дѣвушка-женщина. И однако же лунная, не земная, Сибилла.

— Это весна!—спрашиваю я.
— Это весна,—шепеститъ отытъ. И слово изысканно раскрываются цѣлочки на вербѣ и листочки на бересѣ.

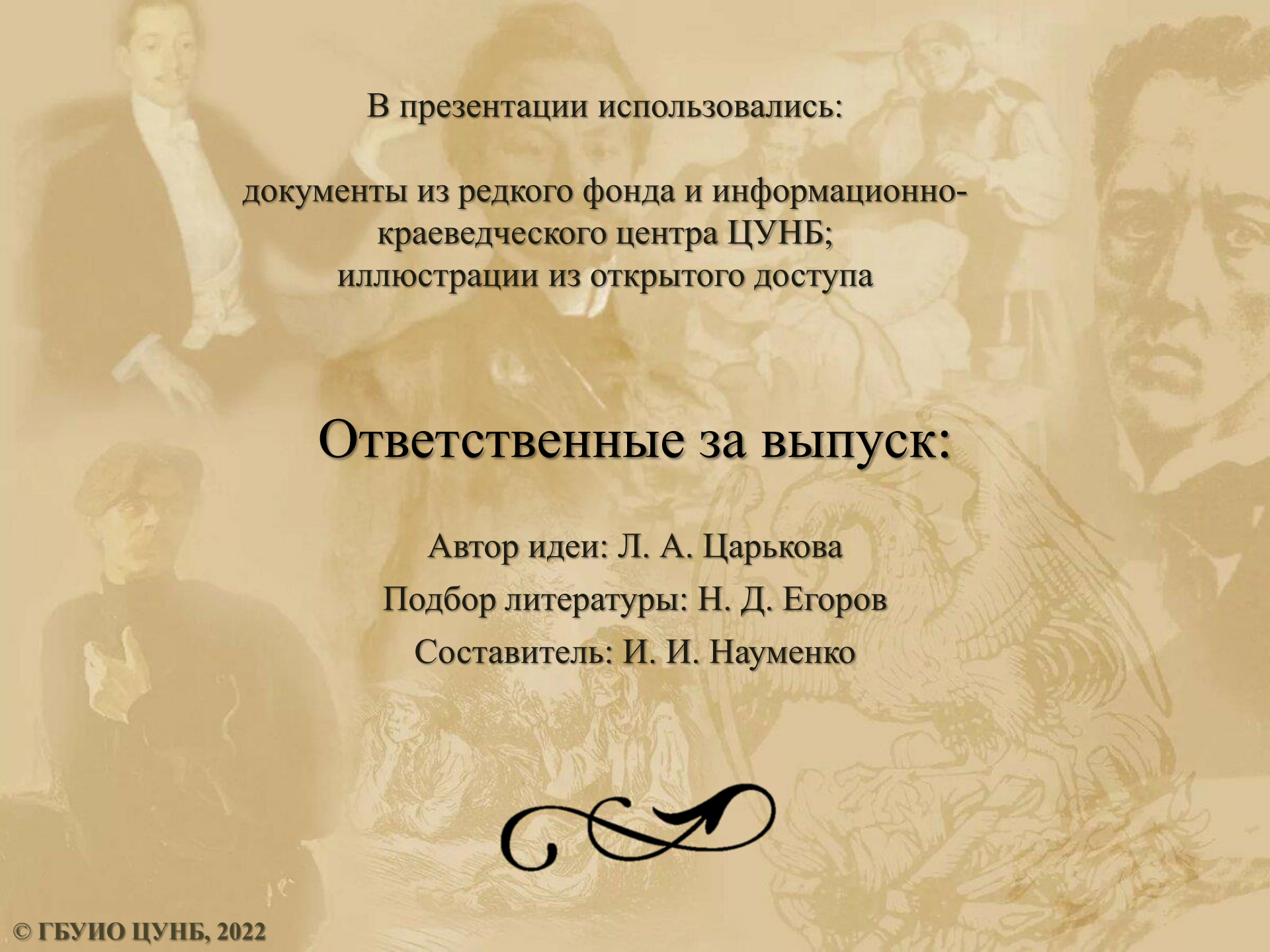
— Еще напѣвностей,—говору я къ пришедшей.

Но больше напѣвностей нѣтъ.—Я больше не помню, говоритъ она—

Почему?—Узнала счастье.—Ну, скажите мнѣ о счастья.

И тотъ же голосъ, близкій и далекий, мѣлестенно поистѣнуетъ, жалуетъ, что знаетъ, знаетъ, странную сказку, чье имя есть счастье.

Дѣла! тихая Дѣла!
Что ты все дома дѣлаешь?
Дѣлаешь дома, поучаешь?
— Счастье мнѣ приучилось,
Счастьемъ душа осынилась.

The background of the slide is a warm-toned collage. It features several historical figures, including a man in a tuxedo in the top left, a woman in a dark dress in the bottom left, and a man with a beard in the top right. There are also sketches of people in historical clothing and various documents or maps. The overall style is artistic and historical.

В презентации использовались:

документы из редкого фонда и информационно-
краеведческого центра ЦУНБ;
иллюстрации из открытого доступа

Ответственные за выпуск:

Автор идеи: Л. А. Царькова

Подбор литературы: Н. Д. Егоров

Составитель: И. И. Наumenко

